

**РОМАН Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «СОЛОВЬЁВ И ЛАРИОНОВ»:
ЛИНГВОИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

А.А. Бернацкая

Сущность идеологической позиции автора романа – тотальное очернение, дискредитация революционного и послереволюционного прошлого России, – событийного и личностного. Роман выстроен как столкновение двух полюсов. На одном белый генерал, на другом остальные персонажи. Антитеза «белый генерал» – «красные» прочитывается как контрверза двух сознаний, двух идеологий: субъективно-индивидуалистской и коллективистской. Лингвоидеологический анализ выявил средства дискредитации. Это жанровая стилизация, гротеск, абсолютизация: гипертрофирование негативного советского и идеализация «другой», дореволюционной России, намёк, сравнительно-сопоставительный анализ, метафора, лингвоцинизмы, деперсонификация, десемантизация, приёмы пародирования, шаржирования, двусмысленности, обманутого ожидания, сочленение реального и фиктивного.

Ключевые слова и фразы: идеология; лингвоидеологический анализ; объект; мишень языковой агрессии; дискредитация; нравственность; антитеза.

**NOVEL BY E.G. VODOLAZKIN "SOLOVIEV AND LARIONOV":
LINGUO-IDEOLOGICAL ANALYSIS**

A. A. Bernatskaya

The essence of the ideological position of the author of the novel is a total blackening, discreditation of the revolutionary and post-revolutionary past of Russia both eventive and personal ones. The novel is built as a clash of two poles. The first one is a white general, the other is the other characters. The antithesis "white general" - "the red" is seen as a controversy of two perceptions, two ideologies: subjective- individualistic and collectivist. Linguo-ideological analysis revealed the means of discreditation. They are genre stylization, grotesque, absolutization: hypertrophy of the negative Soviet and the idealization of the "other", pre-revolutionary, Russia, a hint, comparative analysis, metaphor, lingvocisms, depersonification, desemiotization, parody, cartooning, ambiguity, deceived expectations, connection of the real and fictitious.

Keywords and phrases: ideology; linguo-ideological analysis; object; target of verbal aggression; discreditation; morality; antithesis.

Предмет исследования – идеологическая составляющая романа Е.Г. Водолазкина. **Мишени языковой агрессии** в романе – Октябрьская революция и её вожди, советская власть и её достижения, менталитет русского народа, отечественная наука. В основе идеологической позиции автора произведения – ключевые положения либеральной доктрины. **Цель** исследования – проанализировать, в какой мере идеология художественного произведения позитивна с точки зрения современной ситуации в России и перспектив построения её будущего. Цель предполагает решение **задач**: выявление и систематизация идеологических смыслов текста в их лингвистической выраженности; вскрытие глубинного смысла высказывания, микро- и макротекста, не совпадающего с поверхностным однозначным; уточнение, раскрытие изложенного в тексте авторского видения; экспликация импликаций, пре- и постсуппозиций, двусмысленностей, создающих собственно смысл авторских интенций. **Метод** исследования – лингвоидеологический и дискурсивный анализы. **Актуальность** исследования обусловлена

вниманием к феномену «идеология» со стороны разных наук, а исследование лингвистического аспекта феномена находится в стадии становления. В.А. Каменева, отмечая интерес как отечественных, так и зарубежных лингвистов к идеологической проблематике, заключает, что «лингвистическая теория идеологии далека от этапа окончательной сформированности и стройности» и необходимо совершенствовать её понятийно-терминологический аппарат [Каменева 2017: 19].

Идеологическая функция – одна из функций художественной литературы. Естественно, любая функция может стать объектом филологического, в частности, лингвистического анализа. «Идеология – система политических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических идей и взглядов, исповедуемых партиями, политическими течениями, общественными движениями, научными школами, отражающих их мировоззрение, идеалы, целевые установки. В идеологии осознаются, отражаются, оцениваются отношения людей к окружающей действительности, общественные отношения, социальные проблемы, положение социальных групп и слоёв, их интересы, цели социально-экономического развития» [Райзберг 2014: 171]. Н.В. Ковтун, исследуя мифопоэтику современности, отмечает, что созданные художественной практикой XX-го века мифы «не определяются рамками “чистого искусства”, но претендуют на вторжение в мир истории, становятся продолжением идеологических баталий» [Ковтун 2017: 27], и цитирует в подтверждение мысли Э. Кассирера: «Мифы стали изобретаться и производиться в том же самом смысле и теми же самыми методами, как изобретаются и производятся пулемёты и боевая техника, – для ведения внутренней и внешней войны» [Кассирер 1993; цит. по: Ковтун 2017: 27–28)].

Жанр анализируемого произведения в отзывах читателей определяется то как роман-исследование, то как постмодернистский роман (с уточнением: не постмодернистский, а постмодерне), то как «хорошо сделанный наукообразный фейк»; историческая мистификация; псевдоисторический роман; написан языком исторической монографии [Отзывы о книге. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000845829-solovev-i-larionov-evgenij-vodolazkin> (дата обращения – 7.08.2017)]. «В какой степени романисты имеют право манипулировать историей? – вопрошает французский писатель, переводчик, почётный профессор, член жюри премии за русскоязычную литературу Ж. Коньо. – Разграничение между вымыслом и исторической реальностью становится всё более расплывчатым и приводит иногда к странному смещению жанров. Многие романисты... привыкли включать реальных лиц и исторические факты в свою сюжетную канву так, что читатель не в состоянии отделить правду от выдумки. Это обстоятельство со всей очевидностью демонстрирует гипертрофию понятия «право» применительно к литературному творчеству, где во имя свободы выражения в полном смысле слова позволено всё» [Коньо 2013: 404–405]. И далее: «Принеся с собой новый подход к текстам, это движение способствовало изоляции литературы от истории, текста от контекста. <...> Свобода говорить всё приводит к тому, что содержание и сюжет становятся безразличны. <...> Всё становится знаком, но всё и есть всё, а это означает, что всё есть ничто» [Там же: 407].

В аннотации к изданию отмечается, что произведённый романом «Лавр» фурор позволяет отнести произведение к «высокой литературе». Автор говорит о романе. Практически это повесть об исследовании студентом, потом аспирантом, биографии белого генерала Ларионова. Роман выстроен как столкновение двух полюсов. На одном белый генерал, на другом остальные персонажи. Основной литературный приём – антитеза. Безупречному во всех отношениях белому генералу во все послереволюционные времена противостоят более или менее, но в чём-то ущербные люди. Два исключения. Первое – заголовочный персонаж Соловьёв: глорификация образа через намёк на повторение пути в науку Ломоносова: *Профессор Никольский, университетский руководитель Соловьёва, назвал его типичным self-made man, пришедшим в столицу с рыбным обозом...* Он исследователь биографии генерала. Это авторский инструмент, связующее звено между до- и послереволюционным временем. Второе исключение – Лиза Ларионова: пусть наследница и не «того» Ларионова, но – магия имени. Критики указывают, что

генерал Ларионов – личность не историческая, но есть исторические прототипы, в частности, это белогвардейский генерал Яков Слащев, руководивший обороной Крыма [Вождь, палач и жертва. URL: <https://1001.ru/articles/post/vozhd-palach-i-zhertva-23887> (дата обращения – 17.09.2017)].

Реальное время в романе – вторая половина 90-х гг. прошлого века: Соловьёв, будущий исследователь истории генерала Ларионова, поступил в аспирантуру, где *генерал Ларионов и стал его диссертационной темой. Не приходится сомневаться, что к 1996 году – а именно о нём идёт речь* (здесь и далее выделено мною – А. Б.) – *генерал Ларионов уже всецело принадлежал русской истории.* Сюжетным стержнем романа служит международная научная конференция, посвящённая исследованию личности генерала Ларионова.

Генерал Водолазкина – монумент, синтезированный символ другого, светлого прошлого времени: единичное как воплощение множественности. Неслучайно в повествовании он именуется как правило генералом, редко генералом Ларионовым; его имя личное (впрочем, как и второго заголовочного персонажа) даже не названо. Генерал Ларионов – *Это было его первым и единственным домашним именем, к которому он привык сразу и навсегда.* Другой полюс – множественность персонажей как единое целое. На протяжении всего романа «единичное» оказывается весомее, значительнее «множественного». Первое монохромно-белое. Второе множественно, но также объединено цветом: *крово-красное, красно-советское.* Хотя прямым антиподом генерала выступает красный военачальник Д.П. Жлоба. **Герой и его антагонист:** белый генерал Ларионов (типизированный образ) и красный военачальник Жлоба (историческая личность). Первый недостижим для второго: *Самые хитроумные замыслы Жлобы разбивались о принятые белым полководцем меры <...> Сила генерала, по мнению исследователя, состояла в абсолютно точной оценке стратегического потенциала Жлобы.*

Ключевая роль образа белого генерала Ларионова в философском аспекте идеологической составляющей романа получает эксплицитное авторское завершение в дискурсе сна профессора истории Никольского незадолго перед смертью. Во сне историк размышляет о проблемах, связанных с оценкой послереволюционного развития России с философских позиций роли личности в истории, соотношения судеб личности и общества. Итогом философского размышления стало признание приоритета личности перед обществом и судьбы личности перед ходом истории. *В трактовке исследователя история, по сравнению с личностью, представляла чем-то вторичным, в определённом смысле – вспомогательным. История виделась ему рамой – иногда бедной, иногда роскошной – в которую личность помещала свой портрет. Другого предназначения истории исследователь не предполагал.* С этим выводом связан другой: единственным мерилom для оценки событий всемирной истории может считаться *единственный критерий – нравственный.* Это ключевые положения либеральной доктрины. С этой позиции антитеза «белый генерал» – «красные» прочитывается как контрверза двух сознаний, двух идеологий: субъективно-индивидуалистской и коллективистской. О весьма негативном следствии приоритета частного говорит Ж. Коньо: «Похвальная защита частного от коллективного очень быстро привела к инверсии ценностей <...>. Частный интерес, индивидуальный произвол постепенно разрушили основной смысл общего интереса <...>. Возрастающее расхождение между образами и событиями, между словами и вещами ... ставит под вопрос само понятие идентичности как индивидов, так и наций. Присущий европейской цивилизации индивидуализм завершился созданием человека-массы...» [Коньо 2013: 411]. Доктор исторических наук С.М. Небренчин заключает, что усилия наших геополитических оппонентов обусловлены верой в то, что «если навязывать обществу коллективистского типа, каким остаётся Россия, социальную теорию развития индивидуалистического общества и соответствующий ему политический строй, то это неизбежно приведёт к вырождению данного народа и гибели его государства» [Небренчин 2017: 29]. Внедряя субъективно-индивидуалистскую идеологию в сознание читателей, художественная литература способствует этому процессу.

Генерал обладает внешней привлекательностью, элегантен. На всех сохранившихся фотографиях... тщательно выбритый человек с коротко подстриженными и уложенными на

пробор волосами. Пробор выполнен настолько ровно, а качество бритья настолько безупречно, что ...неволью ощущается запах туалетной воды. <...> идеально правильные черты его лица <...>. Несмотря на эту правильность, лицо его не казалось красивым. <...> появившиеся с возрастом морщины под глазами и возникшая на носу горбинка сделали его лицо более рельефным. В определённый период своей жизни... этой горбинкой и выражением лица... он напоминал кардинала Ришелье. <... > В посадке его головы, в развороте плеч, в том, как уверенно он ступал с пятки на носок, чувствовалась армейская выправка. Военная косточка. Высший офицерский состав. Он производил на всех такое сильное впечатление, что даже красные командиры при встрече отдавали ему честь. В лице генерала автор поёт хвалу всему дореволюционному офицерству. Русское офицерство было весьма рафинированным. Гармоническое развитие...предполагало не только мужественность. Оно предполагало также элегантность. В противоположность генералу Ларионову, красные командиры неопрятны, их внешность производит отталкивающее впечатление: От пришедших пахло лошадиным потом и немытым человеческим телом. Служивцы Жлобы позволяли себе насмехаться над особенностями его внешности (почти полное отсутствие лба плюс наличие двух лишних зубов в верхнем ряду). Итак, на одном полюсе «кардинал Ришелье», на другом – дегенерат, напоминает питекантропа. Однако шаржированный портрет советского военачальника не имеет ничего общего с архивными фотографиями легендарного комдива Стальной дивизии.

Генерал Ларионов интеллигентен, музыкален. Шестилетний будущий генерал, уйдя из дома, застыл, как очарованный, слушая уличных музыкантов: Виолончель, две скрипки и флейта. <...> Музыканты играли по заказу публики и просто так. <...> Не было того, чего бы они не смогли сыграть. <...> Я слушал музыкантов долго – всё время, что они там играли. <...> Лишь когда инструменты оказались в футлярах, магия кончилась. Красный командир Жлоба не имеет представления даже о музыкальных инструментах: называет виолончель большой скрипкой.

Генерал говорит и пишет прекрасным русским языком, хорошо чувствует стиль. Жлоба косноязычен. Его письменная речь неоднородна и даже неадекватна функционально-стилистически и нормативно (ихнее приветствие, избыточная частотность «короче» в функции частицы), пестрит советскими идеологемами (товарищ, деклассированные элементы, пролетарский писатель М. Горький, трудящиеся). Бессвязность речевая дополняется абсурдными приказами его и соратников: Б. Кун приказывает одноному нищему встать и предъявить для осмотра отсутствующую ногу. Генерал был физически и интеллектуально развит. Много знал и умел. Прекрасно играл в шахматы. Был непринуждённо держался с самыми разными людьми. Его уважали и даже побаивались идейные враги. Генерал ощущал себя в органической связи с природой, она рождала у него философские размышления о смысле жизни: Иногда генерал Ларионов ложился в траву и наблюдал за жизнью её обитателей. В его глазах эта жизнь представляла такой же мелкой, как человеческая. Может быть, не столь жестокой. Жители травы деловито поедали друг друга, но занимались этим по необходимости, сообразуясь с древними биологическими законами. Они не испытывали взаимной ненависти. Выказывая присущее ему чувство юмора и умение делать философские обобщения, генерал возвращается мыслью к действительности. Находясь в районе ожесточённых боёв Белой и Красной армий, они соблюдали строгий нейтралитет. Их умение не замечать общественные катаклизмы достигало абсолютной точки и вызывало у генерала восхищение. Антитезой представляется отношение к живой природе представителей противоположного полюса. Матросы доставали из карманов семечки и бросали их чайкам. Им нравилось наблюдать, как в борьбе за семечки чайки били друг друга крыльями. <...> Матросы смеялись над низменными инстинктами птиц. Это зрелище их некоторым образом возвышало. Косвенная характеристика людей через их отношения с природой. На одном полюсе – умение видеть общее в разных формах жизни, уважать «другое», признавать его сильные стороны, восхищаться им. Философия сочетается у генерала с иронией, самоиронией. Матросы с их примитивным мышлением приносили жестокие нравы людей в

жизнь природы, провоцируя привычное им самим поведение и, таким образом, обретая чувство мнимого превосходства.

Генерал – полководец, гениальный стратег. Недостигаем для красных: <...> действовал генерал так, будто планы противника были знакомы ему во всех деталях. Всюду он был раньше красных на полшага, но эти полшага неизменно определяли исход сражения. Самые хитроумные замыслы Жлобы разбивались о принятые белым полководцем меры – независимо от того, были ли они результатом деятельности разведки или гениальным предвидением генерала.

Генерал демократичен, справедлив. Он с сочувствием относится к крестьянам: Сейчас английские транспорты вывозят оттуда зерно, купленное за бесценок у большевиков. Это зерно пропитано кровью русских крестьян. На ялтинской конференции сообщалось, что в свободное от боёв время генерал приказал солдатам и офицерам помогать крестьянам распахать землю. В качестве обоснования этого приказа указывалось, что, экспроприировав у крестьян лошадей для кавалерии, армия должна была помочь им (крестьянам) по крайней мере таким образом. Раздражённые выполнением не свойственных им функций, офицеры... “предались ворчанию”. С этим странным распоряжением их примиряло лишь то, что генерал лично впрягался в хомут и тащил за собой плуг... «Красные» не демократичны, пользуются своей властью: Жлоба, Б. Кун и Землячка едут на откормленных лошадях. Сотрудник ОГПУ (1923-1934 гг. Объединённое Государственное политическое Управление при Совете Народных Комиссаров [БЭС 1998: 301]. – А.Б.). Уманский устроил прощальный банкет, для которого не пожалел умопомрачительного огэпэушного спецпайка.

Генерал терпим к чужим стилям, нормам, поступкам. Мирское, быт – не мерило его образа жизни и образа мыслей. Наблюдая, как подселенный на его дачу «революционный матрос» нещадно обезображивает её, генерал не сделал расстрельных дел мастеру ни единого замечания. Генерал не злопамятен, не стыдится при своей элегантности показаться на улице с чужим «барахлом». После расстрела Уманского, подселенного к генералу в рамках «уплотнения», именно он помог прибывшей на похороны матери: Добраться до автовокзала ей помог генерал. Неся в руке один из чемоданов, он толкал перед собой детскую коляску соседей с положенным на неё бархатным узлом. Сцена повторяется много позже, в 1958 г.: Генерал и тогда нёс чемодан и толкал коляску – на этот раз с ребёнком.

Генерал руководствуется в своих действиях интересами дела и, в отличие от «красных», заботой о судьбах людей, сохранении армии, человеческих жизней. – Мы покидаем Крым, – сказал генерал одними губами. – Мы будем держать Перекоп столько, сколько это потребуются для всеобщей эвакуации. <...> Мне нужно спасти мою армию. Во время погрузки корабля генерал, чтобы спасти больше людей, приказал выбросить за борт дорогую мебель, припрятанную интендантом. Спасая солдат, не успевших эвакуироваться, он изобретает для них ряд спасительных «легенд»: одних усаживает в будки чистильщиков обуви, других переодевает во взятые в театре национальные (татарские) костюмы, третьих учит имитировать мирную семейную жизнь, четвёртые имитируют нищих и калек, пятые мостят мостовую, шестых учит притворяться музыкантами. Генерал знает цену жизни и медлит с приказом открыть огонь, жалея обречённых на смерть молодых воинов противника: Генерал знал, что эта цепь обречена. Он хотел дать этим солдатам лишнюю минуту. Хотел в последний раз увидеть их живыми. Не мог на них насмотреться. Налюбоваться их неловким движением вперёд. Красные пошли на невиданные жертвы ради конечной победы. Это знал генерал, никогда бы себе таких жертв не позволивший. Он видел, что вместе с красными приходит новая, устроенная на других основаниях действительность. Легко эксплицируемая мысль: коллективистское сознание обесценивает человеческую жизнь и судьбу. Последняя военная операция генерала заключалась в обеспечении отступления войск к портам. Генерал занимался спасением жизни солдат. По словам историка, это была организация поражения с наименьшими потерями – в своём роде не менее блистательного, чем прежние победы.

Далее выделим тематические области романа с наиболее чётко прорисованной идеологической оценкой.

Оценки России и её обитателей. Объект – Россия, мишень – советская власть с её идеологией. Оценка никогда не даётся в авторской речи, а приписывается мифическому автору мифических биографических работ о генерале в цитатной форме или в форме «непредвзятого» обобщения чужих оценок или, наконец, даётся от имени генерала, с отсылкой к его мифическим дневниковым записям, которые и разыскиваются «генераловедами». *И.А. Рацмор отмечал, что ощутимая печать убожества, лежавшая на большинстве деяний советской власти, основанием своим имела прежде всего потерю сословной ориентации.*

Следующей мишенью языковой агрессии стал менталитет русского народа. Вымышленный персонаж, французский историк А. Дюпон, заключила, что движение русского общества определялось несколькими факторами, из коих *ключевую роль играли недостаточная расположенность к труду, склонность к присвоению чужого имущества и обострённое чувство справедливости.* Первые два фактора без эвфемизации декодируются в традиционной форме как **лень** и **воровство**. Третий через цепочку софизмов превращается в питательную почву двух первых: едва скрытая ирония над «загадкой русской души»: *В этом контексте исследовательницей рассматривались и разрушительные русские революции, и многолетнее правление русских коммунистов (по её оценке, не менее разрушительное), и целый ряд иных событий.* Тезис повторяется в рассказе сотрудницы ялтинского музея А.П. Чехова. Она водит посетителя, аспиранта-историка, по музею. *Фоном её рассказа проступал образ бескрайней России, планомерно разрушаемой Москвой.* Москва – метонимический символ советской власти. В приведённых оценках два ключевых концепта, максимально общие понятия как раз и навсегда положенные **клейма** на Россию советской эпохи, её роль в истории России и окружающего мира: «**убожество**» и «**разрушение**». Последнее усилено полным словесным повтором и вариативным в форме страдательного причастия настоящего времени, что расширяет временные рамки губительного для страны процесса за счёт семы незаконченности действия. Мощным средством объективации концепта становится принадлежность идентичной оценки разным субъектам: разного возраста, разных наций, разных профессий. Ключевые концепты получают конкретизацию через оценки сенсорно-чувственного характера: визуального (цветового), обонятельного (запах), количества, формы. Генерал забирает из роддома жену с ребёнком. Он с отвращением рассматривал **грязно-жёлтый** кафель пола. *Мелкий квадрат этого кафеля вкупе с запахом хлорки нёс в себе что-то невыносимо советское, лишённое человеческих черт.* Даже в военных госпиталях *такого гнетущего запаха почему-то не было.* Причины поражения белого движения генерал сформулировал так: *По России покотился средней величины ком дерьма. С невероятной скоростью он разрастался за счёт налипания родственного материала, которого в России оказалось, увы, очень много.* Чувственно-образные характеристики послереволюционной российской действительности суммируются в лексеме «**дерьмо**», в данном контексте вобравшей в себя все три словарные пометы (прост. груб., бран., прост. пренебр. [Ожегов-Шведова 1997: 162]). *Ком дерьма* – это те, кто делал революцию. Бранно-оценочное «**дерьмо**» дополняется признаком бесформенности, обезличенности («ком»). Окончательный, «убийственный» приговор феномену «советское» выносится результирующим качеством восприятия «*невыносимо советское, лишённое человеческих черт*». Уточнение функционально означает идентификационную характеристику: **советское – значит, бесчеловечное.** Уточняющий атрибут временного измерения советского – «**рабское время**». У генерала в гражданском браке родился сын. Отец не рад, т.к. в это время, *рабское время, мужчиной лучше не рождаться.* Возникает противоречие: революция отменила власть эксплуататоров («Кто был рабом, тот станет всем»), но в реальности это стало временем рабства. Потеря «*сословной ориентации*», читай: классового расслоения, отмена классового строя, напротив, сделала рабами весь народ.

Мишень другой оценки – русская ментальность. Особую изысканность придаёт эвфемизирующее выражение мифической французской исследовательницей «криминальных»

качеств русского этноса. Читателю самому предлагается несложная задача расшифровать эlegantные эвфемизмы как «лень» и «воровство».

Характеристика «кроваво-красных» персонажей. *Революционный матрос*, член краснофлотской расстрельной команды К.И. Серёгин, получил, в рамках «уплотнения», комнату на даче генерала Ларионова. Он въехал в генеральский дом в 1921 году. Впечатление от интерьера комнаты в стиле «*art nouveau*» оказалось удручающим. <...> Отвергнув замысловатую лепнину как буржуазное излишество, он сбил её с потолка зубилом. Дубовые панели он закрасил жирной зелёной краской и, найдя такой цвет интересным, прошёлся им по дубовому же паркету. Грубый, невоспитанный, далёкий от культуры, по натуре своей «буян», он имел к тому же «**пристрастие к кокаину**». Но генерала, в силу «**холопского рефлекса**», уважал и даже побаивался после того как, предприняв попытку рукопашного боя с генералом, краснофлотец был немедленно сбит с ног, стащен к крыльцу и окунут в бадью с дождевой водой. Троекратно повторенная грамматическая форма страдательного залога усиливает лексическую экспрессию: личность – генерал – обращается с представителем новой власти как с неодушевлённым объектом. Потерпев фиаско, революционный матрос пошёл другим путём: начал выяснять, *каковы перспективы генерала на предмет расстрела. Чтобы не обременять товарищей лишней работой*, – саркастически продолжает автор, – *он предлагал выполнить её самостоятельно – так сказать, на дому*. Но буян и любитель кокаина был арестован и расстрелян. Командовал карательными мерами сотрудник ОГПУ Л.Б. Уманский. – Ещё один революционер без принципов, безнравственный, корыстный, не знающий укоров совести. По словам матери, сын был раньше известным в городе Умань **карточным шулером**. Восприятие читателя шокирует деталь: *мать с нежностью вспоминала то время*, – настолько даже ей не нравилась революционная карьера сына. Истинными причинами арестов и расстрелов объявляются корыстные интересы представителей советских властей. При каждом аресте бывший шулер, а ныне штатный работник ОГПУ приглядывался к потенциально свободной жилплощади, в том числе и генеральской. Автор иронично: *Не приходится сомневаться, что жилплощадь его устроила, поскольку Серёгин был расстрелян в самые короткие сроки*. Автор с наслаждением «окарикатуривает» резолюцию «тройки ОГПУ». Свообразную «элегантность» язвительности автора придаёт приём стилизации документального стиля с имитацией «духа» революционного времени: наличие реальных дат, инициалов имён и отчеств персонажей с пре- и постпозицией в соответствии с нормой стиля, типичные клише-идеологемы: **Революционное сознание, усугубленное потреблением кокаина, толкало его к действиям и словам** (а слова – это тоже действия, как сказал член **тройки ОГПУ** Л.Б. Уманский), **для молодой советской власти неприемлемым. Приговор тройки в отношении Серёгина К.И. в исполнение привела его же собственная расстрельная команда**. Подтекст: нет морали, нет объективной мотивации – исключены отношения товарищества, корпоративной солидарности; расстрелы – вещь обыденная. В отличие от Серёгина, новый сосед генерала дебошей не устраивал, но его слишком часто навещали жившие на первом этаже комсомолки, *которых Уманский умыкал* (автор не брезгает и «дешёвым» приёмом экспрессии – анафорическим повтором), так что руководство партячейки начало было *рассматривать вопрос об аморалке*. Уходя от наказания, Уманский объявил брак *явлением отжившим* и перешёл на общество дам более лёгкого поведения. *Генерал считал его прохвостом*. Но внутренняя его нечистоплотность в какой-то степени компенсировалась стремлением к внешней чистоте и упорядоченности. Тут же автор иронично добавляет, что общественными работами Уманский занимался *обычно в лице одной из посещавших его дам*. Как и Серёгину, Уманскому был присущ холопский рефлекс («**время рабов!**»): *ему льстило, что он живёт в одной квартире с лицом столь знаменитым*, что не исключило, саркастически добавляет автор, *искушение расширить свою жилплощадь путём ареста генерала и его жены*. Прагматик Уманский, – с нескрываемым сарказмом пишет автор, – **не принадлежал, в сущности, к категории кровопийц по призванию** (смысловая незавершённость высказывания – фигура умолчания – дешифруется просто: убийцами, кровопийцами людей делала советская власть), но принял как должное то, что для

улучшения его жилищных условий *был расстрелян целый этаж*. Однако, очевидно, подтверждая булгаковский вывод о дьявольской магии квартирного вопроса, жилплощадь приглянулась самому начальнику, вернее, его жене. Уманскому предъявили обвинение в связях (через посещавших его дам), с иностранной контрразведкой. Будучи обвинённым в растлении девушек-комсомолок, Уманский по зрелом размышлении решил обходиться дамами с набережной – идеологически может быть менее близкими, но в смысле владения техникой секса предпочтительными. Марксистское мировоззрение не мешало им в необходимых случаях **становиться на колени** – в отличие от комсомолок, чья **несгибаемость** Уманского порядком раздражала. Высказывание снабжено попирающей элементарные представления о морали ссылкой на «несгибаемость» как высоконравственную черту истинного коммуниста: «Ср.: Ибаррури Д. *Хитроумный идалго*. М., 1979. С. 80-190». Подобные ссылки можно считать одной из форм проявления **лингвоцинизма**. В этом качестве выступает один из излюбленных приёмов авторского стиля – **двусмысленность**, в данном контексте с целью подвергнуть остракизму моральный облик коммуниста путём перевода семантики с идеологической плоскости на телесную, физиологическую: языковая игра на сочетании прямого номинативного и переносно-метафорического значений обеих лексических единиц. Пародийно-смеховой эффект обеспечен. Но допустим ли способ? Если антигерой Уманский для достижения физической чистоты эксплуатировал не отличавшихся высокой моралью женщин, и, видимо, с их согласия, то по какому праву автор Е.Г. Водозазкин для достижения личного, писательского успеха так безнравственно эксплуатирует память о выдающемся историческом лице? (Ибаррури – «Пламенная»: С 1917 г. в социалистическом движении; с 1932 в руководстве ИКП; в 1931–39 одна из организаторов Народного фронта, борьбы против фашизма и итало-герм. интервенции» [БЭС 1998: 430] – А.Б.). Ещё один пример нарочитой двусмысленности, и опять на сексуальной почве: На ялтинской конференции председательствующий, академик Грунский, *осудил традиционализм как явление*. Сопредседатель присоединилась к оценке и *выразила уверенность, что нетрадиционная ориентация маститого учёного может быть хорошим стимулом для молодых людей, посвятивших себя науке. Зал, не сговариваясь, посмотрел на секретаря Грунского*.

Советская власть аморальна. ОГПУ неразборчиво в способах получения жизненных благ. Для обеспечения сотрудника хорошей жилплощадью *был расстрелян целый этаж*. Жестокость и по отношению к «своим»: «сшить дело» против подчинённого или начальника ради даже самой низменной цели ничего не стоит. Принимаемые **меры воздействия** таковы, что обвиняемые не выдерживают (очевидно, пыток), «сознаются» даже в несодеянном, как в случае с сотрудником ОГПУ Уманским: *Раздавленный тяжестью улик, подследственный в скором времени сознался во всём, что ему инкриминировали, и, к приятному удивлению следствия, даже добавил несколько не известных ранее эпизодов*. Атмосфера зависти, доноительства, всеобщей слежки в стране. Причиной ареста, а позже заточения, пыток и расстрела сотрудника ОГПУ Уманского стали его сексуальные партнёрши: *Об этих посещениях сигнализировали бдительные комсомолки, в своё время отвергнутые подследственным*.

Неоправданная жестокость «красных». Студент-историк Соловьёв изложил в курсовой работе под руководством профессора Никольского информацию о том, как в Севастополе новые советские власти собрали не сумевших эмигрировать людей из «**бывших**», заманив их обещанием помощи в поисках работы, и безжалостно уничтожили их. «**Бывшие**» (выделено автором романа. – А.Б.) – *бухгалтеры, секретарши, гувернантки – все они послушно пришли на площадь перед цирком. Когда площадь наполнилась, её окружили войсками и натянули колючую проволоку. <...> Несколько тысяч **бывших** простояли на площади двое суток. На третий день их вывезли за город и расстреляли. И это было только начало. Собрав данные по всем городам Крыма, Соловьёв пришёл к выводу, что за первые месяцы советской власти на полуострове было казнено около 120 000 человек*. Масштабы этого реального красного террора описываются исследователями по-разному. Но то, «что обнаруживается в советских архивах, – комментирует автор электронной подборки, – свидетельствует, что речь идет о нескольких тысячах расстрелянных, а никак не о

десятках и сотнях тысяч. Бесспорно, однако, то, что террор был, и товарищ Бела Кун имел к нему прямое отношение» [Вождь, палач и жертва. URL: <https://1001.ru/articles/post/vozhhd-palach-i-zhertva-23887>(дата обращения – 17.09.2017)].

Особой жестокостью автор наделяет известных деятелей революции и Гражданской войны. В рапорте красного командира Жлобы сообщается, что около церкви он и его сопровождение увидели одноногого нищего. *«Товарищ Б. Кун (Кун Бела, 1886-1938 – один из организаторов и руководителей КП Венгрии; в 1916 г. попал в Россию как военнопленный. После падения Венгерской советской республики снова в России. Репрессирован; реабилитирован посмертно [БЭС 1998: 608]. – А.Б.) заподозрил его в том, что он – двуногий, и приказал ему встать и предъявить для осмотра отсутствующую ногу. Когда одноногий стал отнекиваться, Б. Кун ударил его своей ногой по лицу. Красной нитью проходит мысль о том, что новая (советская) власть жестока, вероломна, лжива, ей нельзя верить. В листовке товарищ Фрунзе (Фрунзе М.В., 1885–1925 – политический и военный деятель; в 1909 и 1910 гг. дважды приговорен к смертной казни; в Гражданскую войну командовал армией; нарком по военным и морским делам [БЭС 1998: 1298]. – А.Б.) призывает ялтинцев не оказывать сопротивления. Он гарантировал жителям города всеобщую амнистию. Через день после прихода красных город застыл от ужаса <...> Среди вспыхнувшего террора ни ялтинцы, ни красные не вспомнили о листовках товарища Фрунзе. Повтором идеологемы – узуальной партийной формы обращения «товарищ» во всех «репрессивных» контекстах достигается её десемантизация. Слово в представлении «белых» становится номинацией зла, жестокости, беззакония новой власти. Вывод подтверждается следующим фрагментом. Генерал выступает перед сотрудниками иностранных дипломатических миссий, просит помощи: – Мне нужно спасти мою армию...Мне нужна ваша помощь. <...> Я обращаюсь ко всем: примите моих солдат. **Товарищи** не оставят в живых никого... Никого. Честь имею (Выделено автором романа. – А.Б.). Генерала предупреждают, что он должен непременно эвакуироваться: – Генерал, вас не просто убьют – они **разрежут вас на куски**. Самой кровавой из красных командиров, настоящим **вампиром** в бескрайней фантазии писателя представлена Землячка (Землячка (Самойлова...Р.С.), 1876–1947 – политический деятель; в 1939–1943 зам. пред. СНК СССР, Пред. Комиссии сов. Контроля, Член ЦК партии с 1939 г. [БЭС 1998: 420]. –А.Б.). Из рапорта Жлобы: Раненому партийцу *понадобился новый бинт, потому что старый пропитался кровью. Выступавшую **кровь слизывала с бинта** тов. Землячка. Убийственным сарказмом и окончательным приговором вождям революции и Гражданской войны звучит реплика Б. Куна, что казнь должна демонстрировать гуманизм советской власти. Его понимание гуманизма иллюстрирует совет: – *Стреляйте не в сердце, а в живот,...*– Тогда после расстрела он смог бы ещё утонуть. Стилизация под документальную прозу, пейоративная экспрессия эпитетов, повтор подвергнутого десемантизации партийно-кодового обращения «товарищ», нечеловеческая логика слов и поступков призваны внушить читателю апокалиптический ужас от картин прошлого отечества и его вождей.**

Красные командиры, не задумываясь, посылают под пули белых массы людей, солдатскими смертями компенсируя недостатки военной стратегии. *За первой цепью возникла вторая, за ней – третья, четвёртая...Генерал сбился со счёта. Казалось, что эти цепи двигались от самого горизонта. **Наползали с безразличием вулканической лавы. С неразделимостью саранчи. Это была единая глухая сила. Революционная масса в её высшем проявлении.** <...> Генерал знал, что этой **массы** хватит на десять белых армий, что в конце концов она **накроет** и его проволоку, и его пулемёты. Приём деперсонализации направлен на создание впечатления безликой, безличной, безымянной, лишённой воли и чувств массы как выражения и продукта коллективистской советской идеологии. Это впечатление не разрушается, а усиливается использованием существительных «люди» и «солдаты»: действия властных структур с ними – это оперирование предметами или, может быть, фигурами в шахматной игре: **У красных было много людей, они не считались с потерями. Никогда ещё генерал не видел, чтобы командиры так спокойно жертвовали своими солдатами.** <...> С точки зрения военной науки эта атака была*

бессмысленной. Что они могли? Принять на себя все пули? Укрыть своими телами всю проволоку? С точки зрения страшной реальности, эта атака была бесспорной. Такой атаке нельзя было противостоять бесконечно. Это знали красные, пошедшие на **невиданные жертвы**. Это знал генерал, **никогда бы себе таких жертв не позволивший**.

Разнообразие выразительных средств в показе бесчеловечности советской власти подтверждает презентация темы репрессий на гуманитариев в 30-х годах прошлого века. Это всего лишь намёк, мелькнувший неназойливо, в форме незначимого пояснения, в режиме 25-го кадра. Пригласив автора впечатлившей его курсовой работы к себе, профессор Никольский *долго продувал мундштук папирасы Беломор (к папирасам он пристрастился на одноимённом канале)*.

Картины российской действительности как наследия советской. Герой-рассказчик Соловьёв прогуливается по ялтинской набережной, всматриваясь в образцы **причудливого советского ампира**, пережившие **свою империю**. С видом **одичалых старцев** из зелени побережья...выглядывали **пансионаты, дома творчества и пионерлагеря**. Они были последними посвящёнными в тайны **профсоюзного отдыха**, лишь они одни и помнили **безмятежные запои сталеваров, бодрые голоса процедурных сестёр и тяжёлые оргазмы партхозактива**. «Своя империя» в идеологическом контексте романа однозначно прочитывается как «империя зла»: имплицитная отсылка к устоявшемуся пейоративу советского прошлого страны в критическом дискурсе отечественных либералов и в западной прессе. Ялта. Конец рабочего дня. Вечерний троллейбус. В слабо освещённом салоне ехали **работницы столовых – усталые, неразговорчивые, с пухлыми хозяйственными сумками у ног**. <...> В состоянии **алкогольного опьянения ехали ветераны разных войн, загодя надевшие медали, чтобы не быть избитыми милицией**. В приведённых фрагментах охаивается всё недавнее советское прошлое, огульно, без исключений. Дискредитируется бывшее реальным право на отдых и лечение; молодёжные организации; воинский долг; создание условий для работников творческих профессий; почётное звание ветеранов (неопределённый атрибут «разных» не исключает и ветеранов ВОВ). Все представители рабочих профессий – «несуны», воры. Всесоюзные здравницы – вертепы пьянства и разврата. Милиция – не блюститель порядка, а символ беззакония. *Как-то почти незаметно подъехала электричка. Старая, с облупившейся на солнце краской, с фанерой вместо выбитых стёкол*. Безрадостная картина разрухи – речь идёт не о послевоенном времени, а о конце 90-х годов – явно многократно преувеличена.

Российские граждане, даже научная интеллигенция, представлены дикарями в области культуры еды. Участникам конференции в Ялте предложен обед в столовой. *Первое и второе подавались в одинаковых тарелках с надписью “Общепит”. Третье помещалось в чашках с той же надписью и отбитыми для предотвращения воровства ручками. С той же целью алюминиевые ложки были закручены спиралью. На вилках спирали не было, поскольку их доставили с консервного завода ради конференции (в столовой № 8 пользование вилками не предусматривалось). Ножей не оказалось даже на консервном заводе*. Представленная картина – явный пасквиль на российское, тем более, научное общество. Контрастом – замечание о Ларионове: <...> *генерал особо выделял наличие на столе устриц и – естественно – устричных ножей*. “Знают ли офицеры нынешней армии, – риторически спрашивал генерал, – что такое устричный нож?” Даже руководящие работники – дремуче необразованные люди. Директор завода принимает аспиранта Соловьёва за давно почившего философа – однофамильца и поэтому оказывает ему знаки внимания. Сотрудница музея А.П. Чехова Зоя – 19 лет, спортивная, с эффектной внешностью, хорошо информированная, сексуально раскованная и опытная, «роковая женщина», не знающая сострадания, с криминальными наклонностями, ночью проникает в Воронцовский дворец, крадёт рукопись (пусть это и оказывается подготовленной инсценировкой с использованием знакомого охранника) – плохо сопрягается с образом А.П. Чехова. Маленькая деталь советского прошлого, реальная, хотя и гипертрофированная: из рук вон плохая работа российской почты: письмо из Петербурга в Москву шло, согласно штемпелю, месяц. На замечание

адресанта, что письма Достоевского из Германии в прошлом столетии шли всего пять дней, почтовый чиновник отреагировал псевдоаргументом: *Достоевский был гений*.

Наука, образование в России. Критика российской науки в стилистике речевого жанра прикола явственна в дискурсе научной конференции в Ялте с действительно причудливым названием «Генерал Ларионов как текст». В зале «для массовости» сидят рабочие консервного завода. Сопредседатель, член-корреспондент Байкалова, посажена, ввиду отсутствия стула, на «трон». Её ноги не доставали до пола. *Под тонкой крышкой стола они покачивались бесформенными колбасными изделиями. Дама не заметила, как заснула, и теперь висящий над членом-корреспондентом микрофон транслировал её храп в зал. Храп был первоклассным – с рокотом на вздохе и свистом на выдохе. С перекатами, переливами, с жалобами и угрозами, задушевыми вздохами и насмешкой. <...> Зал затрясся от громового раската.* На конференции значимость тематики повысили, выдвинув термин – название якобы целой научной дисциплины – *генераловедение*. Микромишень критики – жонглирование терминами как прикрытие научной несостоятельности. Низкий уровень конференции доведён до абсурда. Американская исследовательница с достоверностью анекдота «доказывала», почему генерала не расстреляли: *Просто генерал был женщина. <...> Почему Жлоба его не расстрелять? <...> Он знал тайну генерал. Он его любил.* В следующем высказывании средством выражения иронии по поводу некомпетентности учёного мужа выступает приём обманутого ожидания. *<...> Сам Кваша знал этот язык в совершенстве, что позволило ему не только свободно цитировать церковнославянские тексты, но и вполне их понимать*». Для осуществления речевого жанра «комплимент» следовало поменять местами члены сочинительного словосочетания с сопоставительно-градационным парным союзом с характерным принципом нарастания значимости компонентов. Мельком в дискурсе ялтинской конференции проскальзывает язвительное высказывание о неоправданном «гонении» на точные англоязычные номинализации, заменяемые неуклюжими русскими неологизмами, вроде «*подручники*» (выделено автором романа. – А.Б.) вместо «*хэндауты*» для распечаток. Даже в этой детали проскальзывает прозападническая ориентация автора. Наконец, откровенное пародирование точных методов в отечественной науке. Описываются добытые «тяжким трудом» историка-исследователя точные, до минут, сведения о встрече на железнодорожной станции героя (генерала) и антигероя (красного командира). *<...> Временем прибытия генеральского бронепоезда привлечённые источники позволили считать 23:55. Отбыл он в 3:35 в южном направлении. И хотя номер пути, на котором стоял второй бронепоезд, в документах не указывался, методом исключения удалось установить и его: это был путь №2. На станции Гнаденфельд было всего два пути.* – Неожиданная концовка: излюбленный приём в сатирической поэзии Г. Гейне (Schlagsatz), приём, близкий обманутому ожиданию.

Низкий уровень образования в стране объясняется, в том числе, и атмосферой отнюдь не бескорыстного служения науке в Академии Наук: получение научных званий не всегда за научные достижения. В бытность героя-рассказчика аспирантом в академики был избран некий Темрюкович, который как учёный *звёзд с неба не хватал*, да и сам не ожидал этого, справедливо утешая себя тем, что *академиками не были ни Бахтин, ни Лотман. Не были даже член-корреспондентами. Просто члены Академии однажды не договорились о кандидатуре. Безотказный обычно механизм, превращавший в академиков директоров институтов, членов правительства, олигархов и просто уважаемых людей, – дал сбой. Не договорившиеся академики интуитивно голосовали за того, кто, по их представлениям, не имел никаких шансов пройти. Почти единогласно они выбрали Темрюковича.* Новоизбранный академик был невысокого мнения о многих работах («дрянь», «говно»), и работниках (завхоз – «вор»). Он же как-то саркастически произнёс, закрыв за собой кабинку туалета: *Единственное место, где дышится легко.* Перед началом ялтинской конференции всезнающая молодая дама предупреждает петербургского гостя: – *Не советую тебе увлекаться академиками: звание сильно девальвировалось. А Грунский – тот просто глуп.* На вопрос, как же он стал академиком, был ответ: *Обладал достаточной*

подвижностью. Связями. <...> Ну, заодно облизал задницы всего академического начальства. Малообразованность даже «остепенённых» доведена до абсурда, достойного анекдота, когда на ялтинской конференции докладчик с «кавказской» фамилией делится своим «открытием»: если прочесть название военной операции «Окоп» (в устной речи «Акоп». – А. Б.) «задом наперёд», то откроется его знаковый смысл. *Этим словом, – выступавший помахал ладонью, – генерал как бы прощался... <...> – Это слово – пока, – сказал, улыбаясь, Копалешвили.* Услышав, что в слове «окоп» первая буква «о», докладчик, помолчав, ответил уморительно комично прозвучавшим *Я проверю вашу информацию.*

Интригующий факт – **наличие в романе множества ссылок**: 88 на 366 страниц, в среднем одна на каждые 4 страницы текста. Ссылки оформлены согласно научному стандарту. Даже если бы роман претендовал на исторический, то неоправданно много. Без малого две страницы занимают ссылки к концептам «юродивый», «юродство». Преобладающее большинство ссылок – на источники. Множество ссылок фиктивных. Например, если учесть, что заглавный персонаж (генерал Ларионов) не историческая личность, ссылки на источники о нём и на его собственную автобиографию неоправданны. Ссылки нередко ненужные, вплоть до абсурдных. Например: ссылка на труд по творчеству Й. Гайдна по поводу сугубо военной ситуации с непогашенными огнями. Мать рассказчика – путевой обходчик. По этому поводу ссылка *См.: Григорьянц К.К. Настольная книга путевого обходчика. Пермь, 1957.* Просто неуместные в художественном дискурсе ссылки. Французский историк ищет фонд для оказания материальной помощи российскому коллеге. Сноска: *Об этом см.: Откатов У.Е. Научные и благотворительные фонды: формы взаимопомощи // Вопросы развития российского фондового рынка. 2000. №3. С. 231–280.* На явно смеховой эффект рассчитана ссылка на монументальный труд В.М. Жирмунского по теории стиха как совет профану, который при чтении поэмы *не понял, отчего тексты в ней расположены столбиком*; провокационное *См. подробнее: Гранин Д.А. Иду на грозу как ссылка к «Грозе» А.Н.Островского.* К якобы историческому факту сооружения узкоколейки в лесу под Киевом откровенно провокационная сноска: *Об этом см.: Островский Н. Лес. Боярка, 1927.* Вместо едва ли нужного, простого толкования оценочной атрибутивной лексемы «знаковый» в сочетаниях «знаковое событие», «знаковая личность» неуместная ссылка на труды тартуского кружка. В основе вызывающей языковой игры – неприкрытый намёк на чудовищную неосведомлённость рядовых российских граждан. Иногда ссылки забавные или непристойные. Романист от имени занятого сексуальными фантазиями подростка Соловьёва, изучавшего портреты Ленина и Крупской, заключает: *Базедовый профиль Крупской вкупе с мелкими злыми движениями её партнёра придавали паре вызывающе-земноводный вид.* Сноска: *“Жизнь животных. Т.5: Пресмыкающиеся / под ред. А.Г. Банникова. М., 1985. С. 52–107”.* Приём зооморфизации рассчитан на «нехороший» смеховой эффект. Как и в случае ссылки на Долорес Ибаррури, возникает вопрос о нравственной допустимости такого оскорбительного манипулирования историческими личностями. **Провокация как метод связи автора с адресатом-читателем** практикуется и помимо сносок. Так, прозрачный намёк на вопиющую профессиональную некомпетентность работниц музея А.П. Чехова, вплоть до незнания основных хронологических данных, скрывается в заключении *спонтанно возникшего обсуждения* возможности *двусмысленных отношений* коллеги с престарелым генералом, *что с тем же успехом подобные отношения у Н.Ф. Акинфеевой могли бы развиваться и с А.П. Чеховым.*

Разгадка интриги с неподобающим количеством и качеством сносок в художественном произведении очевидна. Скорее всего, это специфический литературный приём пародирования: не просто описание, а наглядная демонстрация одного из приписываемых писателем-филологом современной отечественной науке негативных признаков: избыток ссылок как прикрытие псевдонаучности труда. *Голубоглазый романтизм Соловьёва в какой-то момент сменился подчёркнутой склонностью к точности, и это было время открытия им особой красоты – красоты достоверного знания. Это было время, когда работы юноши запестрели огромным количеством исчерпывающих и безукоризненно оформленных сносок. <...> Когда сноски стали*

сопровождать чуть ли не каждое слово, проф. Никольский был вынужден его остановить. Ещё одна пародируемая автором принципиальная черта отечественной науки – чрезмерное внимание конкретике, эмпирии, количественному фактору. В исследованиях молодого историка это выступает фундаментом научности. Достижением учёного признаются новые факты, уточняющие количество десятков, а то и просто единиц живого состава армейских подразделений, техники. Это наводит на мысль, что причиной низкого уровня отечественной науки полагается верность устаревшему декартовскому общенаучному количественному принципу, ныне уступившему место структурному.

Пересмотр итогов и оценки и Октябрьской революции, и достижений Советского Союза, и итогов второй мировой войны. Октябрьская революция предстаёт как *короткое замыкание*. Метафора с подтекстом: стихийное, непредсказуемое, разрушительное явление, уничтожающее существующую среду, всё достигнутое и приобретённое. Об этом через судьбу генерала профессор Никольский: – *Ну, представьте: существует себе генерал. Умница. Герой. Живая легенда. Потом как короткое замыкание в судьбе. После яркого света – мрак. Нищенская советская пенсия. Коммунальный туалет. Как-то даже глупо.* Это прибережённая автором к финалу самая экспрессивная, обобщающая метафора оппозиции: **Россия до революции – яркий свет, после революции совсем другое время – мрак.**

Критике в романе подвергаются основные геополитические завоевания СССР до войны и в результате победы над фашистской Германией и её союзниками. *На пятом курсе Соловьёв написал дипломную работу на тему “Роль латышских стрелков в Октябрьском перевороте и потеря независимости Латвией в 1939 г.”… Воюя на стороне путчистов, латышские стрелки, по мысли Соловьёва, поддержали режим, проглотивший впоследствии и Латвию, и её независимость, и её стрелков.* Между событиями признавалась морально-этическая связь. Научный руководитель, проф. Никольский, обосновал правомерность вывода ученика, присовокупив пример **Польши, договорившейся с большевиками в 1920 году и поглощённой ими же в 1945-м.** В сноске сообщается как пример *исторического предвидения* призыв генерала Ларионова к Пилсудскому (в 1919–22 гг. глава гос-ва, после переворота 1926 г. министр, премьер-министр Польши [БЭС 1998: 909]. – А.Б.) *не идти на компромисс ввиду возможных негативных последствий для Польши.* Любопытно, – присовокупляет, соглашаясь, автор, Е.Г. Водозазкин – *что, за исключением деталей, сценарий этих последствий был набросан генералом довольно точно.* Без нажима, но чётко сообщается распространяемая сегодня Западом и США мысль том, что **Россия незаконно владеет громадными природными ресурсами.** Курсовая работа студента-историка была посвящена освоению Россией Дальнего Востока. Научный руководитель посоветовал убрать из неё мелиоративные оценочные эпитеты “великий”, “победоносный” и “единственно возможное” и спросил студента, знакома ли ему теория, согласно которой *русские растратили данную им энергию, осваивая нечеловеческие в своей протяжённости пространства.*

Таковы итоги проведённого анализа романа Е.Г. Водозазкина с идеологических позиций. Максимально кратко выражаясь, это тотальное очернение, дискредитация революционного и послереволюционного прошлого России, – событийного и личностного. Средства этой дискредитации разнообразны: антитеза, жанровая стилизация, гротеск, абсолютизация: гипертрофирование негативного советского и идеализация «другой», дореволюционной России, намёк, сравнительно-сопоставительный анализ, метафора, лингвоцинизмы, деперсонификация, десемантизация, ангажированный отбор эпитетов для характеристики противочленов сюжетобразующей оппозиции, приёмы пародирования, шаржирования, двусмысленности, обманутого ожидания, сочленение реального и фиктивного. Для полноты картины пейоративные эпитеты дополняются сенсорно-чувственными образами. Используется провокация как метод связи автора и потенциального адресата-читателя. Диапазон тональности в романе – от иронии до сарказма. Актеры революции – узколобые, лишённые культуры, корыстные, аморальные, кровожадные, лживые, использующие показную революционность для достижения своих

низменных интересов. Масштабы красного террора в Гражданской войне чудовищны. Менталитету русского народа присущи лень и воровство. Отечественная наука смехотворна. Геополитические итоги Великой Отечественной войны безнравственны. Освоение Севера и Дальнего Востока – не предмет гордости. Планируемый вывод – такого прошлого, такого народа сегодняшняя страна должна только стыдиться: забросать грязью, заклеить, покаяться, забыть. В лице белого генерала идеализируется дореволюционное прошлое России. Сама символика «белизны» сомнительна: белый цвет, как известно, самый сложный. И не менее многозначна символика оттенков красного. Напрашивается вывод, что причиной падения России стал переход от субъективно-индивидуалистической идеологии к коллективистской, с неминуемым последствием: безнравственной. Однако возникает вопрос о нравственной допустимости извращения, пародирования автором личностных качеств, даже внешности исторических личностей (Ленин, Крупская, Землячка, Бела Кун, Жлоба). Белый генерал во всех отношениях антипод: наше «другое», светлое дореволюционное. Такова идеологическая позиция автора романа. С таким грузом предлагается доживать свой век людям, так или иначе пережившим Великую Отечественную войну, хранящим память о своих предках – участниках довоенных событий. Молодому поколению такая картина прошлого своей Родины не способна внушить веру в лучшее будущее, мотивировать приложение сил для его созидания. Дегероизации подвергаются выдающиеся революционные и советские деятели. Дезориентирующая функция ведёт к дезинтеграции российского общества по возрастным и идеологическим критериям, создаёт угрозу для национальной и личностной идентификации граждан современной России. Но именно в настоящее время, в ситуации «нравственного, духовного, экономического и политического хаоса потребность в ориентире бесконечно возрастает» [Ковтун 2017: 19]. Десакрализация художественной деятельности, начавшаяся в начале прошлого столетия, утверждает тот же автор, «только усилилась в эпоху постмодерна, выдвигающей в качестве основной стратегии творчества игру, тотальную иронию, деконструкцию всех существующих абсолютных» [Там же: 23]. Соображение, что речь идёт об одном произведении, его читательская аудитория наверняка не окажется многомиллионной, не снимает проблемы. Анализируемое сочинение не исключение. А наука синергетика выдвинула предположение, что в периоды наибольшей неустойчивости системы эффективны малые (резонансные) воздействия: даже незначительные изменения среды могут оказать решающее воздействие на её дальнейший эволюционный ход. Поэтому «“в минуты роковые” для общества, находящегося в неустойчивом состоянии, усилия отдельной личности отнюдь не бесполезны» [Прытков 1998: 788]. Информационно-психологическое воздействие художественного произведения по определению мина и замедленного, если не вневременного, и непредсказуемого действия. Художественные достоинства текста усиливают степень воздействия. Если в качестве внутреннего эксперимента представить себе, что вся художественная литература, доступная молодому поколению, будет в идейно-прагматическом ключе анализируемого произведения, страна в недалёком будущем станет жертвой информационно-психологической войны – внешней, мощно поддержанной внутренней.

Очевидно, необходима гораздо более взвешенная оценка так или иначе великого события и целой эпохи истории государства. Не может быть истины вне диалектического подхода. К этому призывает директор Эрмитажа, доктор исторических наук М.Б. Пиотровский: «Октябрьская революция – одно из величайших событий нашей истории. Плохое, хорошее, но оно во многом определило все остальные события XX века – и войны, и борьбу красных и белых, правых и левых, и процветание Европы. И даже германский фашизм родился как ответ на русскую революцию. Тут много вопросов, в которых стоит разобраться, отойдя в сторону» [Пиотровский 2017]. Патриарх Кирилл в канун столетия революции выразил глубокую озабоченность тем, что «горькие страницы нашего прошлого сегодня часто становятся предметом спекуляций, в том числе и на художественном уровне. Художник имеет право на художественный вымысел. Но художественный вымысел и ложь – это разные вещи. <...> Хочется надеяться, что все наши воспоминания о событиях недавнего прошлого – в том числе в форме произведений искусства –

будут содействовать прежде всего примирению, а не служить источником новых раздоров и гражданских распрей. Мы все... призваны к тому, чтобы жить в одной стране, в одном обществе и заботиться о его целостности» [Патриарх 2017].

Общий вывод исследования: лингвоидеологический анализ – надёжный способ экспликации идеологической составляющей художественного текста. Но это – задача не только, а, может быть, не столько собственно лингвистическая, сколько идейно-политическая и нравственная. Единый, негативный оценочный вектор революционного и послереволюционного прошлого России, дискредитация основных институтов и достижений советской власти, приёмы диффамации выдающихся акторов эпохи, безответственное жонглирование информационным контентом позволяют трактовать анализируемое художественное произведение как канал и инструмент информационно-психологической войны. Это не означает, что писатель непременно является сознательным актором ИПВ. Но художественное произведение может выполнять функцию средства ИПВ в процессе его рецепции читательской аудиторией, если оно целенаправленно популяризируется заинтересованными институтами и личностями. Тогда оно становится оружием ведения ИПВ. Художественные тексты определённой идеологической направленности – малые ручейки, подпитывающие мощный поток широкомасштабной информационной войны, ведущейся самыми изощрёнными способами против России.

Литература

- Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.
- Водолазкин Е.Г. Соловьёв и Ларионов. Роман // Е.Г. Водолазкин. Совсем другое время: роман, повесть, рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. С. 5–374.
- Вождь, палач и жертва [Электронный ресурс]. URL: <https://1001.ru/articles/post/vozhd-palachi-zhertva-23887> (дата обращения – 17.09.2017).
- Каменева В.А. Теоретические основы идеологических исследований. Краткий обзор // Политическая лингвистика. №3 (63). 2017. С.16–19.
- Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА : Наука, 2017. 600 с.
- Конь Ж. Искусство против масс. Эстетика и идеология модернизма. М.: Голос, 2013. 488 с.
- Небренчин С.М. Историко-культурное измерение современной идеологии Российского государства // Вопросы культурологии. 2017. № 11. С. 25–32.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и словарных выражений. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
- Отзывы о книге "Соловьев и Ларионов" [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000845829-solovev-i-larionov-evgenij-vodolazkin> (дата обращения – 7.08.2017).
- Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Возможна ли объективная оценка истории? Мнение патриарха [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. 2017. № 42. URL: http://www.aif.ru/society/opinion/vozmozhna_li_obektivnaya_ocenka_istorii (дата обращения – 7.11.2017).
- Пиотровский М. Что построим из камней прошлого? Директор Эрмитажа – о революции, Пальмире и почтении к истории [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. 2017. № 24. URL: http://www.aif.ru/culture/person/direktor_ermitazha_mihail_piotrovskiy_povsyudu_v_mire_idut_voyny_ramuyati (дата обращения – 7.08.2017).
- Прытков В.П. Синергетика // Современный философский словарь / под общей ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: "ПАНПРИНТ", 1998. С. 785–788.
- Райзберг Г.А. Современный социальноэкономический словарь. М.: ИНФРА, 2014. 629 с.

References

Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar' [The Big Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ., 1998. 1456 p.

Vodolazkin E.G. Solov'jov i Larionov. Roman [Soloviev and Larionov. Novel]. *E.G. Vodolazkin. Sovsem drugoe vremja: roman, povest', rasskazy* [Quite another time: a novel, stories]. Moscow: AST: Redakcija Eleny Shubinoj Publ., 2014. Pp. 5–374.

Vozhd', palach i zhertva [The leader, the executioner and the victim]. Available at: <https://1001.ru/articles/post/vozhd-palach-i-zhertva-23887> (accessed 17.09.2017).

Kameneva V.A. Basic principles of idéological studies. Capsule Review. *Politicheskaja lingvistika*. No 3 (63). 2017. Pp. 16–19.

Kovtun N.V. Russkaja tradizionalistskaja proza XX–XXI vekov: genesis, mifopoetika, konteksty [Russian traditionalistic prose of XX–XXI ages: genesis, miphopoetik, contexts]: uchebnoe posobie. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2017. 600 p.

Congo ZH. Iskusstvo protiv mass. Sticheskie i ideologiya modernizma [Art against the masses. Static and ideology of modernism]. Moscow: Golos Publ., 2013. 488 p.

Nebrenchin S.M. Istoriko-kul'turnoe izmerenie sovremennoj ideologii Rossijskogo gosudarstva [Historical and Cultural Dimension of the Modern Ideology of the Russian State]. *Voprosy kul'turologii*. 2017. No 11. Pp. 25–32.

Ozhegov S.I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.

Otzyvy o knige "Solov'ev i Larionov" [Reviews of the book "Soloviev and Larionov"]. Available at: <https://www.livelib.ru/book/1000845829-solovev-i-larionov-evgenij-vodolazkin> (accessed 7.08.2017).

Patriarh Moskovskij i vseya Rusi Kirill. Vozmozhna li ob"ektivnaya ocenka istorii? Mnenie patriarha [The Patriarch of Moscow and all Russia Kirill. Is it possible to evaluate the history objectively? The opinion of the Patriarch]. *Argumenty i Fakty*. 2017. № 42. Available at: http://www.aif.ru/society/opinion/vozhzhna_li_obektivnaya_ocenka_istorii (accessed 7.11.2017).

Piotrovskij M. Chto postroim iz kamnej proshlogo? Direktor Jermitazha – o revoljucii, Pal'mire i pochtenii k istorii [What shall we build from the stones of the past? Director of the Hermitage – about the revolution, Palmyra and respect for history]. *Argumenty i Fakty*. 2017. No 24. Available at: http://www.aif.ru/culture/person/direktor_ermitazha_mihail_piotrovskiy_povsyudu_v_mire_idut_voyny_pamyati (accessed 7.08.2017).

Prytkov V.P. Sinergetika [Synergetic]. *Sovremennyj filosofskij slovar'* [Modern philosophical dictionary]. Minsk: PANPRINT Publ., 1998. Pp. 785–788.

Rajzberg G.A. Sovremennyj sociojekonomicheskij slovar' [Modern socioeconomic dictionary]. M.: INFRA Publ., 2014. 629 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бернацкая Ада Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации.

Сибирский федеральный университет.

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: bern1940@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Bernatskaya Ada Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication.

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: bern1940@mail.ru